

НАТАЛЬЯ ЛИГУН

Черная дыра, или Три часа ночи

Наталья Лигун

Черная дыра, или Три часа ночи

«Издательские решения»

Лигун Н. А.

Черная дыра, или Три часа ночи / Н. А. Лигун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908434-7

Книга написана сердцем, эмоциями. Исповедь: настоящая, голая. Для тех, кто любит подглядывать в замочные скважины — проходите, открыто. Для тех, кто умеет учиться на чужих ошибках — берите, все по полочкам. Берегите любовь! Вгрызайтесь зубами, когтями... Ошибочка! Мы так пробовали — расстались. Берегите по другому — умягивайтесь всеми шероховатостями до полного слияния. Качайте кровь любви общим сердцем. Грех не использовать свой дар. Взаимная любовь — дар. Так что ступайте и не грешите.

ISBN 978-5-44-908434-7

© Лигун Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Начало	6
Мы 1	8
Зависимость 1	9
МЫ 2	11
Размышлизм 1	13
Зависимость 2	14
МЫ 3	16
РАЗМЫШЛИЗМ 2	17
Зависимость 3	20
РАЗМЫШЛИЗМ 3	22
МЫ 4	23
Потребительство 1	25
МЫ 5	27
РАЗМЫШЛИЗМ 6	29
Потребительство 2	30
МЫ 6	32
Симпатия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Черная дыра, или Три часа ночи

Наталья Анатольевна Лигун

© Наталья Анатольевна Лигун, 2018

ISBN 978-5-4490-8434-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

Я сидела в комнате на полу и изучала обои. В них видела все и даже чуточку больше. Кто-то смотрит на облака, кто-то на кофейную гущу, а я – на обои. Какие облака в три часа ночи? Какой кофе? Обои! Они меняются в зависимости от того, что хочу видеть. Именно хочу, а не то, что на них изображено. Полоски и геометрические фигуры. Я мысленно растягиваю и придаю им разную форму.

Вот мой дом. Мой! Не уголок в родовом гнезде, который я, по истине вещей, должна была покинуть лет двадцать тому назад. Мой дом... он не огромный и не многоэтажный. Это не дворец, не замок, не особняк. Вполне достаточно несколько комнат для сборища пыли и разбросанных вещей. Кто-то оборудует комнату под гардеробную, кто-то под тренажерный уголок, а у меня будет комната для медитаций. Хотя медитировать не люблю. Уж слишком истошно воеет моя внутренняя тишина. Это просто комната с огромным количеством подушек на полу. И все! Наверное, в прошлой жизни я была пудельком при королевском дворе и соскучилась по мягким перинкам. Или осточертели углы, из-за которых конечности как после сражения, а мизинцы – ветераны-орденоносцы войны. А может, мне просто необходимо пространство, достаточно большое для квартиры в несколько комнат.

Большая кухня. Некий полигон для приготовления пищи, место поедания ее и возлжания для завязывания жирка с дистухой в руках. Детская – маленький и огромный мир! Рисунки на стенах, перекроенные зоны и другой номер квартирки на двери. И, конечно, кабинет. Эпицентр взрыва с бесчисленными обрезками, обрывками и пустыми грязными кофейными чашками. Есть санузел. Как же без него? Я – феечка, и мне это не нужно, но вдруг придут в гости смертные?! Ванная. Надо же где-то пускать кораблики и смотреть, как пузырится пена на голове, выставляя из волос рожки или ушки. Что еще? Что я забыла в своем доме? Ах да, коридор, балкон и кладовка. Как и положено – скрытые пространства для всего очень нужного, которое надо было выкинуть тысячелетие назад.

Пожалуй, все... Если не считать одной комнаты, в которую никогда и никому нельзя входить. Помните историю про Синюю Бороду? Вот! А я не помню. Просто туда незачем входить. В полных семьях эту комнату называют спальней. В таких комнатах СПАСаются от одиночества, говорят СПАСибо друг другу и СПАРиваются. Эта СПА-комната в моей жизни пустует. Я заколочу туда дверь и буду пугать всех Синей Бородой, о котором не помню.

Обои выгибаются, рисунок меняется. Я сижу на полу и смотрю на события, которые происходят на стене. Именно на события, ведь кроме них в моей жизни ничего не происходит. Три часа ночи, как-никак.

Может нарисовать того, кто, вопреки моему предупреждению, откроет запретную комнату, бросит свои носки под кровать, поставит стакан воды на тумбочку и начнет мирно мурлыкать во сне, вернее, похрапывать и вздрагивать? Как нарисовать поступки? Как нарисовать отношения? Как нарисовать чувства? Мужчина – это не щенок, которого покупаешь с родословной или подбираешь на улице, облезлого, но такого родного. По каким параметрам определить благородную душу?

По ушам, купированному хвосту или розовым деснам? Со щенком было бы проще. Но почему-то в три ночи его рисовать совершенно не хочется. А то нарисую и придется его выгуливать в семь утра. А там минус двадцать, вьюга и ветер. Мужчину хоть выгуливать по ночам не надо. Он сам благополучно это делает, со словами «и не наяривай ко мне каждые пять минут». После этой мысли захотелось быстро нарисовать бывшего, накидать сена и поджечь. Давно не грелась у костра. Так и тянет устроить шабаш, но все мои ведьмы спят по своим домам. Ночь все-таки.

Обои расплываются и вытягиваются в причудливые формы. А что с нами было? И зачем все это было нужно? Расчетливый план небес или прикол дьявола? Если план, то он уже закончился. Или это поворотный момент сюжета? А если прикол, то когда он начался? Когда встретились или когда расстались? То, что было между встречей и расставанием, приколом назвать не могу, да и двигались мы хаотично, истерично, без намека на план. Это, без сомнения, была любовь! В этой фразе есть лишнее слово. Нашли его? Верно – «была». Любовь либо есть, либо ее нет. Ты можешь быть вдали от любимого человека, в ссоре, в разрыве, в смерти... А любовь будет в тебе, внутри, всегда. Если она уйдет через время, значит, она и не приходила. Было все что угодно, только не любовь – страсть, потребительство, зависимость, симпатия, удобства.

«Удобства»... Ну и словечко. Но уместное. Это как отношения с удобствами на этаже или в доме. Для того чтобы было удобно опорожниться от обид, злобы и агрессии, даже не выходя из дома, нужен любимый-друг. А порой надо делить это место с другими, если любимый никак не соглашается с вами дружить. Тогда идешь поплакаться к подруге. Приходишь, а там Валька с пятого этажа, сидит, ревет. Вот и стоишь в очереди за удобствами.

– Ну ты там скоро? Ты уже?

– Нет, я только начала говорить, как всё у нас вначале было хорошо...

– Значит, это надолго.

И спускаешься на этаж ниже, вдруг там Ирка свободна.

А потом это вечное:

– Блин, опять всё всем разболтала!

А как иначе? Загадка я для любимого, хоть и отгадки вечно сама подсовываю – аккуратно так, каллиграфическим почерком, четко и внятно, чтоб без домыслов. А домыслов... мама не горюй! Как примесей в плохом бензине. А порой и вовсе, любимый – бац! и разучился читать. Даже алфавита не знает. Смотрит, мычит, рукой машет. В таких случаях приходится натягивать тапочки с бубончиками, запахивать халатик и шлепать по этажам за удобствами. А потом: Валька – Ирке, Ирка – Якову, а Яков – «Всякому» такие басни про тебя рассказывает. До икоты потом слушаешь, какая ты сволочь – бедного мальчика обидела. Ну и чего мне дома не сиделось? Да потому что дома удобств нет! Хочется порой дать любимому пошаговую инструкцию к себе, описать все-все ситуации в картинках, рисунках и вензелях. Вот-вот! Именно в этом соль. В вензелях. Проще надо быть, проще. Говорить командами, кратко и лаконично: «не лезь в душу – током убьет» или «бегом лезь в душу, мне тут одной скучно». Ясно... Ясно, что кратко и лаконично не выходит. Мы – разные миры и с этим нужно смириться. Вот я и смиряюсь, когда Валька долго сидит в «удобствах». Зато Ирка слушает меня и карамельками трещит от удовольствия, что мне, такой красивой, тоже плохо.

А бывает, когда удобства и вовсе в лесу. Тогда приходится натягивать валенки, шапку-ушанку, брать палку, чтобы медведей отпугивать, фонарик в зубы и грести ногами снег до ближайших удобств. Для этого отлично подходят длинные переезды. Сидишь в вагоне, ногой болтаешь, ложечкой чаек помешиваешь и выкладываешь все как на духу тетке, которая давно уснула и храпит громче стоп-крана. Хорошо справляются с этой задачей маникюрши, косметологи, массажисты, вон та дамочка с коляской и бесконечные переписки в соцсетях. Потом, правда, наступает похмелье, и голова раскалывается от той информации, которая поступает к тебе о тебе же. Нет! Все не так было! Хватит свои вензеля вписывать в мою инструкцию! И бежишь к подруге, да побыстрее, чтобы Вальку опередить.

Мы 1

Ты умел меня слушать и слышать, как никто другой. Внимательно, часами, бережно и осторожно. Ты слушал мои истории, напичканные до отказа аллегориями, сравнениями, цитатами и вечными жалобами о несправедливости этого мира ко мне. Я словно показывала тебе мозоли на мизинцах, сетуя на узкую обувь. А ты брал мои «туфли» и разносил. Если представить, то, пожалуй, будет смешно. Но почему-то не смеется. Ты просто убирал мои проблемы своим вниманием. Я просыпалась утром, готовилась к выходу в мир, надевала обувь. И – о чудо! Не жмут!

Ты часто говорил, что любишь меня, потому что я настоящая. Что я – твой человек. И я верила тебе, и мне это нравилось. Нравилось настолько, что даже не пыталась сглаживать острые углы и причесывать мысли на публике.

– Смотрите! Эй, вы! Вы все искусственные, а я – настоящая. И именно такой он меня любит. Не терпит. А любит! То-то же!

Я рассказывала тебе все как на духу, без урезания, умалчивания и дорисовывания. И только с тобой была настоящей. В том-то все и дело. Я не была лучшей, была просто настоящей. А все настоящее далеко не всегда красивое, удобное и солидное. Почему мы расстались? Наверное, моя периодическая некрасивость и неудобность охладил твои чувства. Ты приложил холодную грелку к сердцу (мнение пресловутого социума), и оно остыло. А может, еще не остыло? Может... Не может.

Образы на обоях размешиваются, как краски на палитре от резких движений нервного художника. Потом мазки. Один за другим. Быстро. Стремительно. В двойной перемотке вперед. И вот уже рисунок обретает контуры, очертания, фактуру.

– Что я вижу? Кого? Не буду отвечать!

Я беру кисточку и смешиваю цвета с истерическим хохотом.

– Тут нет никого! Никого! Видишь? Это просто краски. Тебе показалось. Показалось...

Иди на ручки.

И взять бы себя пятилетнюю, маленькую, испуганную и наивную. Прижать к себе и сыграть. Сыграть счастливую, уверенную, заботливую, нежную. Сыграть. К черту настоящесть! У этой пятилетней малышки все еще впереди. Ей еще предстоит пережить то, что уже пережила я.

– Моя маленькая, все хорошо! Слышишь, у тебя все будет хорошо! Я тебе обещаю!

Так когда-то ты говорил мне. Теперь так я говорю себе – маленькой девочке, живущей внутри меня.

Зависимость 1

А что это я с конца начала? Как там было? А «было все что угодно, только не любовь – страсть, потребительство, зависимость, симпатия, удобства». Начну по порядку – с зависимости. Инструкцию надо читать, дорогие мои, инструкцию! Там четко сказано, что мое начало начинается с двух третьих мысли.

Итак, зависимость. Первое, что приходит на ум, это хороший косячок с дурью. Никогда не курила, но планирую затянуться пару-тройку раз.

– Ирка врет, не курила я косячок, у Вальки спросите! Ах, Валька сказала, что мы вместе частенько закладываем дымка под десна? Ладно, спросите мою маникюршу. Ой, не надо! Такого о себе не вынесу.

Вот взять бы и очокуриться от таких сплетен. Не выход! Они придут такие, в новеньких черных водолазках с вырезами до пупка, станут возле моей неухоженной могилки и посудачат, мол, скурилась я вусмерть. И начнут «подбирать» моего суженого, словно он плохо лежит, как полтинник, выпавший из кармана.

Итак, поприветствуйте – Косячок! Почему у него имя собственное? А вы спросите у тех, кто с ним знаком лично. По слухам знаю, как между человеком и Косячком такая личная жизнь бурлит. Ну, прямо любовь всей жизни. Они друг без друга никуда. И в огонь, и под лед, и под забор. Присматривают себе седьмое небо в ближайшем подвале и клянутся в вечной любви. И, таки да, как правило, эта любовь до тех пор, пока смерть не разлучит их. Любовь без отягощения. Ни тебе тещи, ни свекрови, ни Вальки, ни Ирки. Только ты и Косячок. Блаженство! Но стоит только Косячку задержаться в пути (аврал на работе, командировка, пивко с друзьями), как тут же у человека начинается ломка. Седьмое небо становится седьмым дном ада, а уютная лавка в сквере – заточенными кольями. Мир выворачивается наизнанку, словно наволочка, вытряхивая перья от крыльев мертвого ангела.

Лиза...

Она подсела на Федора мгновенно. Даже не пришлось давать ей попробовать его в первый раз даром. Она сразу выложила за него все – семью, работу, друзей, жилье и город проживания. Поставила на кон и... прогадала. Правда она этого так и не узнала. Лиза любила в Федоре все! Неизвестно, конечно, где это «все» она в нем разглядела. Но, как говорится в определении предела из институтской программы по «вышке», как бы ни были ничтожны достоинства мужчины, всегда найдется такая дура, которая его полюбит. И она полюбила, вернее, подсела. И подсела жестко, безоглядно и бесповоротно. Ее божество носило растянутые треники, серо-бежевую майку (некогда белую) и вечно держало в зубах приплюснутый окурок. Одним словом, глаз не оторвать. Что и делала Лизка сутками напролет – она глазела. Дышала и не могла надыхаться ароматом морского бриза (воблы и пива), свежестью летнего утра (перегара) и пряностью скошенной травы (потными носками). А как Федор умел петь дифирамбы! Витиевато, многоступенчато, даже трехэтажно! Его слушали всем двором и в пять утра, и в три ночи. Некоторые даже продолжали петь ему в унисон и подхватывали его рифму в ответ. Лизка балдела. Ее Федор такой популярный! Он такой незаменимый. Куда только его не посылали с самыми важными поручениями. И он всегда возвращался с победой и новыми трехэтажными рифмами. Но тут, как раз, и кроется та самая зависимость. Иногда Федора посылали в командировку надолго. Давали командировочные, которые он вкладывал в дело на секретном объекте. Он такой важный, и Родине без него никак! Это Лиза понимала. Но она не понимала, как же теперь она без своего единственного лучика света. Как ей теперь оторванным от стебелька пестиком жадно пить утреннюю росу любви? И ее ломало.

В такие дни она рьяно поддерживала идеологию Федора – трехэтажными дифирамбами одаривала соседей, дворовых кошек и мусорные баки. Она четко знала, что пока Федор в командировке, дело его должно жить...

Кирюша...

Она носила очки, время от времени поправляя их на переносице. Словно боялась, что они спадут и мир увидит оголенную любовь в глубине колодца ее сердца. Вдруг все догадаются и сделают общественно-доступной ее волшебную сказку? А все и так знали. Знал и он – Косячок ее сердца. Звали его Валерий Степанович. Высокий, статный, с проседью и саркастической улыбкой. Он презирал весь мир, кроме себя. Естественно! Ведь он – Косячок Кирюши! Кстати, Киру он тоже презирал. Презирал за ее податливость, лояльность, шелковистость и преданность. Он любил ее любовь к себе. Тут ему не было равных. Он боготворил Кирюшину способность видеть в нем ангела. А, как известно, человечеству свой лик ангелы показывают редко, не всем и по великим праздникам. Негоже часто спускаться с небес и делать свой приход обыденным. Кира знала, что она избранная, приближенная к небесам, ведь Валерий Степанович приходил к ней на час, два раза в неделю. Ровно в 17.45, два раза в неделю восходило ее Солнце, начинали порхать Пегасы, а Амурчики – скрипеть на арфах. Именно Амуры, а не богини. Во-первых, Амуры – мужчины, хоть и маленькие, во-вторых, они голые, а в третьих, без стрел. Все стрелы они уже давно выпустили в Кирюшино сердце. Что касается богинь, то... я вас умоляю, даже не говорите о них в ее присутствии. Это все равно что видеть, как твой последний Косячок докуривает соседка по лестничной клетке, блаженно прикрывая жирные ляжки прозрачным пеньюаром. Когда ее раскрасневшиеся щеки, взбитые на макушке волосы и дьявольские искорки глаз однозначно сообщают о... Тихо! Кира идет.

Итак, Валерий Степанович, подойдя к двери, отстукивал костяшкой пальца незатейливый мотивчик, после чего дверь распахивалась, и рай опускался на землю. Явление себя народу было быстрым, неглубоким и скрипяще-тривиальным. Но только не по мнению Кирюхи, подсевшей на дурь престарелого ангелка. Это был не акт, это было божественное действие, без намека на низменные инстинкты. Только ангельское благословение волшебным посохом, безо лжи и обмана. Она – избранная, полубогиня. Да что там! Она – мать Бога! Правда, когда об этом узнал повелитель человечества – Валерий Степанович, то его срочно отозвали на небо. Теперь он спустится с небес только через тысячелетие, чтобы сообщить о конце света. Его миссия непоколебима и очень ответственна. А Кирюхе всего лишь надо относить, родить и воспитать сына. Потом внуков и правнуков. И в глубокой старости, посвятив себя исключительно отпрыскам, отбыть в мир иной для воссоединения с божеством.

МЫ 2

Легко с сарказмом писать о чужой боли. Взял и вывалил неприглядную правду. Голую, неприкрытую, извращенную, изнасилованную. Вывалил, загреб ногой в кучку, стоишь, смотришь.

– Ну мусор же все это! Где они любовь-то находят.

А они находят. Они не знают, что бывает иначе. А может быть, у них и было иначе, а мне, как Вальке с пятого этажа, все видится именно так, как ей судачится обо мне?

Свою боль лелеешь, сдуваешь пылинки и возводишь в ранг святости. Она чистая, ведь она – изнанка любви. А значит, тоже отстиранная от колких взглядов социума, отутюженная лаской нежного сердца, выстраданная и данная в награду за годы без любви.

Я тобой не болела. Это не болезнь. Я тобой выздоравливала. Упорно и легко шла на поправку с каждым нашим поцелуем. Зачем искать смысл жизни, если он не прятался? Что за «салочки» мы устраиваем всю жизнь? Догоняем, ищем, застукиваем и снова прячемся.

Нашел – ухватил ручками и держишь, пока ангел смерти с прищуром не спросит:

– Ну что, надержалась? Отпускай. Нам пора.

– Дай мне еще чуток. Тебе что, жалко? Возьми Косячок, покури на дорожку.

Я тоже была зависимой. Ты ушел, а зависимость осталась. Но мы так не договаривались! Забрал свои вещи, надо было хоть Косячок оставить! Нет же, ты забрал все до последней щепотки. Я судорожно перебираю все загашники, нычки и секретные места. Где-то же должно хоть что-то остаться! И порой мне удается найти. Вот на днях мне сказали, что видели тебя в городе. Ты шел такой грустный и печальный. И – о, благодать! Последовательность и правильность алгоритма была аксиомой. Значит, ты печален. А какие у тебя причины для печали? Правильно, только наш разрыв. Печалишься, значит любишь. Любишь – вернешься. Такие затычки входят мгновенно, легко, и растекаются по всему сердцу. А потом опять ломка. Тебя видели, но ты не вернулся, неделю, две, три...

Опять по сусекам – должно же хоть что-то еще остаться. Мысль материальна. К сожалению, у меня сей механизм работает как-то выборочно. Наматериализовать себе виртуальный Косячок получается, а тебя обратно в свою жизнь – нет.

Недавно снился сон. Обычная жизнь обычных людей. Жареная картошечка с салом, выжаренное – для меня, на дне сковородки, и пропаренное – для тебя, сверху... Я тебя не видела, но знала, что ты рядом. Мое сердце не колотилось. Была уверена, что это обычный день в нашей обычной бесконечной совместной жизни. Проснулась и затянулась. Хорошо-то как!

Ты это помнишь? Помнишь нашу картошку, рыбу в фольге и свои миксы? Ты делал миксы из всего подряд. Смешивал несочетаемое и придумывал свои рецепты. А я рядом была ленивой жопой. Не все время, но частенько. Уходила к тебе в подмастерье и спрашивала обо всем: какой толщины резать морковь, как шинковать лук и хватит ли соли? Ты так и не узнал, что я хорошо готовлю. Четыре года ждала нашу квартиру и жила у мамы, как на вокзале. Нет, мама отдала нам лучшую комнату и создала все условия для хорошей жизни. Но мне хотелось своего! Свой мир, свой уголок, где ты – хозяин, а я – хозяйка. Тем более что мне должны были вот-вот вернуть деньги на квартиру, вот прямо сейчас. Вот! По сей день не вернули...

Так часто представляла, как ты приходишь после тренировки домой и в коридоре сбрасываешь с плеча большую синюю сумку, чтобы поскорее прижать меня к себе. Порой удавалось даже представить, как из другой комнаты, опережая меня на крутых поворотах, бежит наш сын, обхватывает твою ногу и спрашивает: «Че купил?».

И думала: «Какой смысл раскладываться поудобней на перроне, если скоро придет поезд?» Мечтала, как в нашей квартире на кухне буду порхать бабочкой и колдовать над очередным шедевром. Мне хотелось удивлять и баловать тебя.

– Но не на перроне же! Давай доберемся до места. Еще пять минут и поезд придет. А там наш дом! И все-все у нас будет отлично.

Не добрались... Не успели...

А надо было там, на вокзале, на асфальте разложить полевую кухню и порхать. Тебе же не мешало удивлять меня на вокзале?

Жаль, что многое понимаешь лишь со временем. Начинают всплывать те мысли и фразы, которые мы давно знаем, но почему-то не пользуемся их сутью. «Нет ничего более постоянного, чем временное» или «надо жить здесь и сейчас». Эх... А я, как идиотка, ждала скорого рассвета, забыв (отбросив этот факт, как несущественный), что началась полярная ночь.

Размышлизм 1

Внутренний будильник работает. Три часа ночи, а значит, пора лезть в черную дыру. Три часа ночи – черная дыра жизни. Я проваливаюсь туда и нахожусь там часами. Хотела бы больше. Вот бы взять и залечь там, на виртуальном дне, лет на десять. Стать куколкой. Натянуть на себя одеяло, укутаться и попускать слюни, сопли и слезы. Замочить себя всю с ног до головы, развести бактерии, наплевать на себя и под себя. Покрывать бородавками и прыщами. Все равно никто не видит, никто не знает, да и не поверит. Меня нет, я в дыре! В глубокой и черной. В вонючей и липкой. Я в дыре почти десять лет! Осталось чуток. Совсем чуток, и я выпорхну из нее бабочкой. Родные будут думать, что в три часа ночи я встала, просто сходила по нужде и быстро легла спать. Они не будут знать, что десятилетие в дыре я провела в слюнях, соплях и слезах. Но будут думать, что меня ничего не берет, что я сильная, смелая и уверенная. Что плевать хотела на бывшего и на наше расставание. А мои ведьмы из шабаша будут завидовать моей красоте, ухоженности, улыбке и блеску в глазах.

– Ич, какая!!! Ее бросили, а она и в ус не дует.

– Та у нее нет усов.

– Вот блин, даже этого у нее нет. Ну, может хотя бы ноги кривые или руки короткие?

А я просто расправлю разноцветные, полупрозрачные крылья с витиеватым рисунком вечности и улечу от них. Пусть догоняют меня на своих метлах.

Зависимость 2

Мы зависим от других, когда не верим в себя. Недостаточно любим то тело и ту жизнь, в которой находится наша душа. Каждый человек рождается самодостаточным. Да, ему нужна пара, как и каждой твари, а не нечто, именуемое себя парой. Нечто подходящее или же совершенно не подходящее, но рядом. Человек боится остаться один, словно в одиночестве сокрыто его поражение. Быть одному – не значит болеть. Быть одному не стыдно. Как говорил Омар Хайям: «И лучше голодать, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало».

Только не надо путать скучательные порывы с зависимостью. Скучать полезно. Если это временно. А с зависимостью нужно бороться, особенно тогда, когда жизнь уже уложила вас в одиночную палату и дает пилюли от бывших. Покорчитесь-покорчитесь и перестанете. Да, придется пережить время, когда вы с упоением будете выть на луну, царапать стены и пытаться придушить себя ночью мокрой от слез подушкой.

Все пройдет. И это тоже пройдет. Так написано на кольце Соломона. Так написано в сценариях наших судеб. Жаль, что счастье проходит так быстро, а боль так медленно. Словно время имеет тенденцию бежать по своему усмотрению: то замедляя шаг, то устраивая ракетные гонки.

Стенографистка Кэт...

Было такое ощущение, что Кэт родилась с печатной машинкой в руках. Кто-то в рубашке, кто-то с крестом за пазухой, а она – счастливица – с аппаратом желаний своего Косячка. Она записывала все его желания и с пометкой «sos» отсылала в космос для мгновенной реализации. А как иначе? Он же хочет. Он же просит. Он же ждет. Знакомьтесь – Он. Кэт никогда не называла его по имени. Имя – это кличка, позывной, ник, логин и пароль. Имя нужно чтобы окликнуть, позвать или уточнить собеседнику о ком конкретном ты сейчас льешь грязь. Для Кэт все это было неприемлемым. В смысле позвать, Он что – собака? В смысле окликнуть, Он что – уходит? В смысле... даже дух перехватило! Разве можно так о Нем? Имя было лишним, ведь заглядывая в очи постоянно, не нужно звать. А разговаривая с другими, Кэт важно говорила: «Он», — тем самым подчеркивая миру, что Он у нее единственный, и речь идет исключительно о Нем.

Кэт была отличным свидетелем Его жизни. Она ловко стенографировала любую его самую малейшую просьбу, особенно ту, которую он даже не произносил. Она Его угадывала. Угадывала по уголкам губ, прищурю глаз, пульсации артерии на кadyке и ниже пупка. Гораздо ниже пупка, а жаль. Но она не жаловалась. Она тихо сходила с ума от одного вида такого малюсенького, но такого гордого достоинства. О, как он лежал! Даже возлежал! То справа, то слева. А когда проклевывался, словно подснежник ранней весной через толщу снега, ее печатная машинка включала сирену. Во вселенной сразу начиналась беготня. Ну а как же? Ведь сейчас произойдет редкое явление, и все силы вселенной надо бросить на то, чтобы подснежник показал головку! И после такого подвига Геракла Кэт начинала стенографировать с еще большим упоением. Рубашку нагладит. Да что там! Нагладит трусы, носки, шнурки и милый вихрь на его затылке. Вымоет, начистит, уберет, стирает, накрахмалит и опять нагладит. Гладить она любила. Она гладила и гладила... В надежде опять нагладить себе подснежник.

Доярка Любка...

Почему доярка? Все просто – потому что доила. Она открыла целый молокозавод и в бесперебойном режиме производила все существующие виды продуктов из молока. Выжимала

творог, взбивала масло, отравляла шизоидными бактериями и прессовала сыр. Корова был одна, зато какая! Неповторимый Гриша. Он считал себя быком-производителем, но быком явно была Любка. Она доила Гришу сутками напролет. Дергала за его синие соски возможностей и желаний.

– Гриша, дай мне ласки, прижми, приголубь. Еще! Еще! Еще!

А Гриша тужился, скрипя огрубевшими сосками в тщетных попытках хоть что-то из себя выдавить. Ну не корова он! Он может купить колбасу и мясо, вбить гвоздь и съездить по роже соседу за то, что тот занял его место на стоянке. Но усююкать!

– А я красивая? А ты меня любишь? А что ты будешь делать, если я умру? Ну достань мне звездочку с неба, — хныкала Любка, привычно шаря по коровьим соскам.

– А хочешь, я для тебя пятак согну? — отвечал Гриша, намекая, что бык тут он.

– Нет. Хочу звездочку! Ну что тебе, трудно? Это же так просто! Смотри, вот тут у меня эрогенная зона и тут, и тут. Да я вся – эрогенная зона! Только пальцем ткни. Еще! Еще! Еще!

И он тыкал. Тыкал, как мог. Да он даже гвоздь мог вбить в точку «джи», чтобы не давить на нее постоянно. Но Любке было мало! Она хотела затягиваться Гришей постоянно, чтобы дурь разъедала ее изнутри, снаружи, везде!

– А ты меня любишь?

– Ага.

– Какой ты у меня романтичный!

– Не накручивай себя, я совсем не такой.

– Нет, такой! Тебе что, трудно сказать, что я красивая.

– Ты красивая.

– Вот! А говорил, что молоко кончилось!

Затем вдох и продолжение увлекательного диалога... Гриша всегда с упоением ждал ночи и ненавидел утро. Любка рано ложилась спать и быстро засыпала, правда так же рано просыпалась, вскакивала и бежала голышом к своей корове. Время утренней дойки настало!

– А что тебе снилось? Девки были? А я снилась? А ты меня любишь?

МЫ 3

Далеко не каждая история имеет хоть малейшее отношение ко мне. Но в некоторых явно есть зерно из моего амбара, например, доярка Любка.

Ты не умел признаваться в любви. Вернее умел как умел. Говорил просто и лаконично. А я хотела простыни слов с миллиардом ярких вензелей. Я, как и все ведьмы и феечки, с ног до головы напичкана бабскими уловками. Они настолько банальны и стремительны, что выстреливаются как из гранатомета. Вот один наш маленький диалог:

– Ты меня не любишь!

– Почему ты так решила?

И все! Зашкаливают датчики. Да ничего я не решила! Ты что, не понимаешь, что я выдавливаю нежные слова? А в результате выдавила обиду и разочарование.

Было и похлеще. Местами враждебный социум, местами равнодушный, но без единого моего верного оруженосца, надежного плеча и жилетки. А среди всего этого изобилия – мы. Такие счастливые, что аж противно. Липкие такие, сладкие. Фу, одним словом. Начинать с «а» и печально добираться до «я» не буду. Концовочка – вот та самая жемчужина. Взять бы, собрать весь этот долбанный жемчуг, нанизать на нитку, повязать кукле-Вуде на шею и истыкать иглками. Но я не могу, я же феечка!

Спектакль под названием «Вы так любите, что блевать хочется» набирал обороты. Ведьмы похватили свои метлы и начали устраивать демонический танец, подбивая меня на ответные действия. У меня всегда с собой портативная метла, на случай, если крылья залипнут. Ну что ж, полетаем! Итак, финальный аккорд.

Шел разговор, на что-то ты ответил, что, мол, этого не любишь. Неважно каким был вопрос, важно то, что речь шла совершенно не обо мне. Ведьмочка из твоего окружения ехидно перевела стрелки и задала вопрос:

– Ты ее не любишь? – небрежно показывая на меня.

Я повернулась к тебе и переспросила:

– Ты что, меня не любишь?

И ты ответил не задумываясь:

– Ты что, больная!

Вместо «больная» было другое слово, которое с учетом моих грязных словечек в этой книге, будет взрывом.

Спектакль не мог закончиться финальным аккордом, поэтому последовали мои бурные аплодисменты. Очень бурные! Я рукоплескала кулаками по твоим широким плечам, накачанному прессу и квадратному подбородку... с этой сексуальной ямочкой.

Что было? Меня спровоцировали. Я поддалась на провокацию. А ты...

Больно вспоминать такие моменты. Один твой ответ: «Очень люблю!» и одно объятие сделали бы меня счастливой. Ты защитил бы меня, ведьмы отступили и вечер был бы прекрасным. Я бы справилась с твоими ведьмами. Но ты меня бросил, унизил и отдал им на растерзание. После рукоплесканий – занавес. Все сонно расходились по домам и обсуждали, как я ни с того ни с сего полезла к тебе драться.

РАЗМЫШЛИЗМ 2

Три часа ночи. Время глубокого анабиоза. Я набираюсь сил там, где ничего нет. Там есть только пустота и мрак. Я думаю, что это хаос, просто его не видно. Что вот-вот все упорядочится: образуются новые связи и установятся системы координат. Начнет просачиваться свет, прокладывая дорожку к выходу. Но черная дыра не знает, что она так умеет. А я не ввожу ее в курс дела. Мне рано выходить. Мне не с чем выходить. Мне незачем выходить. Я лежу, укутанная своими мыслями, под листиком древа познаний и вынашиваю в себе бабочку. Надо переродиться. Как в детстве на игре «войнушка». Тебя убили, а ты еще не наигрался. Ты поднимаешься и со словами «А тут такой второй» бежишь сражаться дальше, пока мама не воззвала кушать.

Обои. Мой мир. Придуманный, притянутый за уши. Фантазийный абсурд одного актера. Зрителей нет. Но, бывает, заходят. Сядут в первом ряду, возьмут бинокли и рассматривают все гримасы моей боли.

– Это ж надо так играть!

– А я и не играю... Мне выпала роль быть настоящей.

Сегодня рисовала на обоях себя. Не образно, а так некрасиво и правдиво, как патологоанатом. Все внутренние органы, циркуляцию крови и брызги желчи. Зачем все это? Зачем был создан этот механизм? Ладно, создали. Пусть себе работает: жует травку и выводит ее естественным путем. Но зачем нужно было туда запихивать душу?! Было бы проще без нее. Вы только представьте. Рожает вас мамочка, тужится, потеет. И тут появляетесь вы, затем батарейки и детское место. И никаких печалек в жизни! Разлюбил, ушел, не понял, бросил...

– Это вы о чем? Что, батарейка негодная?

– Да нет, просто пора следующую вставлять.

– Ну вставляй. Я подожду. Зарботает, потом травку пожую.

Ты...

Ты поселился в моем сердце. Нет, не образно, а по-настоящему. Разложил свои вещи, занял мой диван и письменный стол. Пьешь кофе из моей чашки и смотришь в мое небо за моим окном. Поначалу меня это радовало. Наконец-то я обрела своего человека внутри себя. Теперь ты никуда не уйдешь. Не будет третьего лишнего и этой пресловутой неопределенности. Ты живешь в моем сердце. И так будет всегда! Счастье казалось объемным, даже выпуклым. Казалось, вот-вот оно лопнет от удовольствия и растечется розовым мармеладом по всему сердцу. И оно лопнуло, только мармелад закончился в небесной канцелярии и мне выделили серую паутину из проволок осознания.

Ты живешь в моем сердце. В нем живу и я. Только живем порознь. Даже более того, ты даже не знаешь о моем существовании. Зазеркалье...

Я звала тебя, кричала, суегилась, строила глазки и причитала. Умоляла и обижалась. Нарочито не разговаривала с тобой и приставала с просьбами. Но ты меня не видел. Ты был по ту сторону, в зазеркалье. Мой крик был душераздирающим: «Я здесь, обними меня, люби меня!!! Пожалуйста! Сейчас, немедленно! Навсегда!». Но крик был лишь криком во сне – глухое мычание без жестикуляции и шанса на то, что тебя кто-то услышит наяву. Ты не знал, что тут живет еще кто-то кроме тебя. А я знала! И в этой маленькой разнице была вся правда, вся боль и вся жизнь.

Я разговаривала с тобой, ссорилась и мирилась, рисовала картины счастливого будущего, наряжалась и впадала в депрессии. У нас была бурная жизнь. А какие у нас были диалоги! Если бы ты только слышал, как ты умеешь дарить счастье словами. Ты успокаивал и поддер-

живал меня. Называл малышкой и всегда был рядом. Рядом... в моих мыслях. А по сути, ты просто спал на моем диване, пил кофе из моей чашки и смотрел в мое небо...

Со временем я стала занудой. Наши диалоги, как под копирку, одинаковые, нудные длинные. Вечный принтер работал, скрипел и выплевывал все то, что я пережевала, и не раз. До тошноты, до брезгливости. Я стала забивать внутренний голос книгами, стихами и песнями. Все было тщетно! Все что слышала, видела или читала – все было о тебе, обо мне, о нас. Я нудила себе сутками напролет. Мои дни отличались только снами. Хорошо, когда сны были хорошими, и плохо, когда... они снились. Мне не снились хорошие сны. В каждом из них ухищренное подсознание показывало мне ужасающие картинки. Ох и фантазия у него! Пробуждаясь в очередной раз ото сна, я думала, что это предел мрака. Ан нет, новая ночь, новый сон и новый ужас.

Потом я объявила тебе бойкот! Стала игнорировать тебя в себе. Смирилась, как с жильцом по уплотнению: разбавляла проточной водой твой суп, домешивала соль в сахар и даже намеревалась помочиться в твои тапочки. Вовремя остановилась. А смысл? Ты все равно об этом не будешь знать. А я хотела, чтобы знал! Проходили длинные месяцы, а ты так не узнал, что рядом с тобой живет твоя маленькая девочка, которой ты очень нужен.

Как-то после бойкота я с тобой помирилась. Решила все тебе простить и, наконец-то, стать твоей женой. Ты итак долго за мной ухаживал. Я же помню наши диалоги! Я надела свадебное платье, вплела васильки в косы и громко сказала: «Да!». Было торжество! О, как ты был счастлив! Жаль... что ты этого не знал.

Со временем это стало напоминать настоящий брак, как у всех нормальных людей. Жена говорит – муж не слышит. Жена просит – муж игнорирует. У мужа есть время на всех, а на жену нет. Вот оно! Теперь у меня как у всех! Как у всех? Значит, пришло время развестись! И я развелась. Решила собрать твои вещи и выставить за дверь моего сердца. Театрально, пафосно: всплакнуть на дорожку, вобрать воздух в грудь и четко решить жить без тебя, идти навстречу новым отношениям с широко растопыренными крыльями. «Не умоляй! Мы не можем больше жить вместе!»... Потому что никогда не жили вместе. Проклятое зазеркалье! Я даже не могла взять твою рубашку и бросить ее в чемодан на колесиках, спихнуть тебя с дивана, разбить чашку и вытолкнуть тебя за дверь. У меня не было тела, была только душа – маленькая, хрупкая, всего в несколько граммов... Она была призраком в собственном сердце.

Я смотрела, как ты любишь моим небом. Тем небом, которое я придумала для нас, чтобы летать вместе. В котором нас никогда не было и не будет. Смотрела, смотрела, смотрела...

Дни за днями превращали меня в изгоя. Кто-то стал паразитом в моем сердце. Нет, не ты, а я. Ты хороший, любящий, верный... Я же помню наши диалоги! И нашу свадьбу...

Паразитом стала я. Маленький паразит в собственном сердце. Тогда решила уйти я. Но куда? Пробовала прижиться в печени. Травила ее слезами, соплями и водкой. Сидела в печенках, такая нудная и ненужная. Потом перебралась в легкие и травила их зловонным ароматом невестребованной любви: вдыхая и выдыхая табачный дым, раскачиваясь на батутах двух подушек и втыкая окурки в почерневшую землю. Поднималась в гортань и становилась костью поперек – ни сглотнуть, ни пролевать. Спускалась в кишечник – чувствовала себя отходом, переработанным и выброшенным на помойку. Пробовала залечь в желчный пузырь и аппендикс – вдруг вырежут, и дело с концом. Убегала в почки, туда, где живут дочки и сыночки. Строила дом из камней до почечных колик. Опускалась в пятки и чистила их до розового поросячьего тельца. Скользила по кончикам пальцев рук – мастерила все подряд из всего подряд, хваталась за перо и книгу рецептов.

И каждый раз, перемещаясь по себе, боялась влиться в поток крови. Не дай Бог опять засосет и выкинет в сердце. А там ты... живешь и не знаешь, что я рядом, я есть! И это сердце на двоих, а не одностенная мягкая комната в лечебнице для душевнобольных.

Блуждая по себе, я тщетно пыталась найти дорогу в мозг. Вот где нужно жить! Но злые языки нашептывали, что у блондинки его нет, что это всего лишь выдумка вселенной. А я верила, что есть! Мне надо было во что-то верить. Верить в спасение. Мне очень надо было первой туда добраться и занять все пространство, пока ты не опередил. И я это сделала!

– Ну здравствуй, мозг, я так долго тебя искала...

– Живи, мой любимый, в моем сердце!!! Теперь это твоя чашка, твой диван, твое небо и твоя одноместная камера.

Теперь я живу в своем мозге. И все, чего я хочу – чтобы сердце остановилось. Чтобы я смогла избавиться от тебя, хотя бы на те несколько минут, которые проживает мозг после остановки сердца. Прожить в себе чуть дольше, чем ты... Здравствуй, свобода! Дай тебя пощупать, всосать, глотнуть, вобрать... Чуть помедленнее, прошу... У меня есть всего несколько минут жизни, без него...

Зависимость 3

Поговорим немного о мужчинах, а то чувствую, как безбожно их обделяю. А они еще те зависимые! Подсаживаются на грейпфрутовый эль и сосут его суткам напролет.

- Горчит?
- Горчит.
- Сам хотел. Еще налить?
- А можно?
- Тебе все можно!

Петр Иванович...

Он любил звезду. Любил как умел – был зависим от своего кучерявого Косячка. А как иначе? Звезда экрана. Вот только говорили в этих фильмах на немецком языке и без перевода. Она танцевала и пела, вернее, извивалась и стонала. Это слышал весь двор. Петр Иванович не слышал – он был глух и слеп. Его звезда звездилась оголтело. Она была неким отделом кадров при заводе – сразу проверяла всех знакомых мужчин на пригодность, а после разрешала работать, то есть бухать с ее суженым пивком в гараже. Доступ был через ее звездное тело.

Петр Иванович нервно кашлял в кулачок и удивлялся, что он – такой тихий мальчик в детстве – вдруг стал таким популярным в зрелости. К нему – такому удивительному, собутыльники со всего города тянулись. Чередой, кавалькадой, гвардией.

Но иногда в его жизни наступали серые дни. Бывало так, что один из его верных друзей возьмет да и соврет о его звездочке: мол, шалава она подзаборная.

— Не, ну вы видели?! Где они забор-то нашли!

В такие дни он хмурился на серый день, на неблагодарных и завистливых людей, поджимал хвост и несся к цветочному ларьку за вяленьким букетиком самых дешевых цветов.

– Ларочка, это тебе, моя дорогая.

Ларочка брала цветы, томно поднимала одну бровь, выбрасывала старый букет и вставляла в вазу новый.

Такой день был хмурым всегда только до тех пор, пока цветы не делали свой стандартный круговорот в вазе. Дальше начинали петь свирели. Ларочка распахивала халатик, спускала бретельки комбинации и разрешала липким губам Петра Ивановича присосаться к груди, ляжкам... Короче, ко всему, к чему он хотел присасываться. И он хотел! Как он хотел! Он вбирал ее жадно, вдыхая запах других самцов, фильтруя его своими легкими, оставляя грязный налет чужаков в своем сердце. И молчал.

Петр Иванович был глух и слеп, ну что ж тут поделаешь. Не по врачам же его водить за ручку. Его кудрявый Косячок никогда не позволит ему убедиться в том, в чем он совершенно не хочет убеждаться. И даже если он будет физически стягивать с тела Ларочки очередного ухажера, то это будет точно не то, о чем он подумает.

Христофор...

Он имел жену и любовниц. Одну из чувства долга, которое отмечено печатью в паспорте, всех последующих – по любви. Иногда любви он хотел так много, что обменивал ее на деньги. Он пробовал экзотику, совмещал несовместимое, бросался в крайности. Но ему всегда чего-то не хватало. Ну не было той глубины, о которой пишут в любовных романах. Нет, он не читал. Он их смотрел. Фильмы, в которых почти нет слов, много звуков, удачное начало, чудесное

продолжение и оглушительный финал. Но, чего-то все-таки не хватало. Но чего? Он открывал и открывал Америки, но оказывалось, что это очередные спальни в многоэтажках.

А потом его сглазили. И заклятье наложили на самое бесценное место. На сердце. Он влюбился. И влюбился так жадно и безоглядно, что выпал из большого секса. Чувство нахлынуло внезапно, только стоило бабке-гадалке в мантии провести ритуал и вынести решение. Его развели. Развели с той, на которую он, как оказалось, подсел. И подсел сразу же, еще в институте. Он так тщетно совершал попытки спрыгнуть. Наркотики – это зло! Так его научили родители. Она уходила быстро: собрала все самое ценное и важное, захлопнула чемодан и выставила его за дверь.

– Ступай, Христофор, открывай свои Америки.

– А последний косячок?

Она прижала его голову к себе и поцеловала в лоб. Никогда еще Христофор не оргазмировал в такой ситуации. Вот оно! То, чего ему так не хватало. А поздно...

РАЗМЫШЛИЗМ 3

Три часа ночи. Не спится. Привычно встаю с кровати и плыву по коридору в кабинет. Тут те самые обои. Те самые! Хорошо, что сюжет всегда разный, а то в черной дыре было бы скучно. А так подсознание крутит мне сериал за сериалом. Без реклам и длинных пауз. Правда и без попкорна и кока-колы. Но это к лучшему. Мой дзьоб не дзьобает. Пища не пролазит, хоть пальцем проталкивай. Нет ни жевательного, ни глотательного рефлекса. Зато поблевать и поикать могу от души. Просто осточертел вкус желудочного сока, пропитанного никотином. Лучше бы от березового сока. И не из пака, а из березки. Присосаться бы к стволу сухими губами, вгрызться новыми титановыми зубами и выгрызть себе слез российской плакальщицы. Ладно, у женщин нет национальности, расы и вероисповедания. Они все феечки, но мало кто из них об этом помнит.

Почему люди не помнят себя грудничками? Почему первые воспоминания начинаются с назидательного тона, угла наказаний и слова «нельзя»? Мы не помним, как самозабвенно нас любили и радовались тому, что наши какашки не черно-зеленые, а бежевые. Как мало нам надо было уметь, чтобы вызывать колоссальный восторг у взрослых. Вот-вот! Именно в это чудное время все девочки знают, что они вовсе не девочки, а феечки. А потом, пройдя круг ада от «нельзя», угла наказаний и до укоризненного взгляда, у феечек наступает пожизненная амнезия. Теперь они просто девочки, потому что мальчикам феечки не по зубам.

Мальчики берут девочек, упорно пробуждают в них темные воды и удивляются смене образа. Пробудил? Бери! Она вся твоя. И не только она, а со своей метлой и шабашем таких же, как она. Не по зубам была феечка? Теперь придется укрощать ведьмочку. Ну, удачи тебе, в борьбе с полтергейстом.

МЫ 4

Один мудрец сказал:

– Если человеку плохо, лечите его лаской и заботой.

Его спросили:

– А если не помогает?

– Увеличьте дозу.

Было бы хорошо, если бы один мудрец говорил, а другой мудрец внимательно его слушал, внимал и воплощал совет в реальность. Но в жизни все не так. Крылатые фразы так и остаются крылатыми – как влетели, так и вылетели. Конечно тяжело, когда у тебя внутри все клокочет, а ты расплываешься в улыбке и говоришь няшности. Тяжело. А кто обещал легкости на крутых поворотах? Преодолевать препятствия, побеждать превратности судьбы и выходить из положения героем – удел мужчин. А сражение с женским плохим настроением, тем более, когда виновником «торжества» являешься сам, – обязательная программа по сохранению отношений.

Когда у меня внутри разгорался пожар, все, чего я хотела, чтобы его скорее потушили. Один поэт сказал, что нельзя огонь потушить огнем. Прекрасно! Хоть кто-то об этом знает. Ты не знал. Поэтому тушил огнем.

Мои желания и твои поступки устраивали рыцарские бои. Порой доходило до схватки горцев – в живых должен остаться только один.

Ты наотрез отказывался делать мне приятности, потому что был зол. Зол на то, что я обижалась на твои поступки. Да, приправила обиженность неказистыми словечками. Литератором с нелитературными словами я была знатным. Ты отвечал тем же или превращался в молчаливого кита и падал на дно. А я злилась еще больше – мало того, что не осознал плохой выпад в мой адрес, так еще и не тушил пожар водой.

Костер разгорался. Каждый из нас с рьяной отвагой подбрасывал новые бревна. Гори! Сильней! Разрастайся! Уничтожай все вокруг!

– Тю, я не этого хотела!

– А чего?

– Любви, ласки, нежности, заботы...

Порой у нас был прогресс, и ты подходил и прижимал меня к себе. Получив толчок в грудь, сразу бежал за новыми бревнами, со словами, что на меня ласка не действует. Действует! Просто пожар уже большой, а ты пришел с одним стаканом воды. Вылил и ждешь, что в миг все устаканится, успокоится и даже дыма не будет. Будет еще и пожар, и дым, и мы все в золе. Не я изначально играла со спичками. Ты. Детям спички не игрушки!

Как легко пробудить в девочке феечку, еще легче пробудить ведьмочку.

Я писала инструкцию к себе. С юмором, сарказмом и неразборчивым почерком. На самом деле инструкция ко всем феечкам и ведьмочкам существует, причем одна и та же. Одинаковая. Делаешь это – получаешь феечку, не делаешь – ведьмочку.

Несколько строк из инструкции к феечкам

Если начал он – совершил нечто, на что она обиделась.

Нельзя на женскую истерику отвечать мужской.

Нельзя забывать с чего все началось и помнить лишь конечные матерные всхлипы.

Нельзя допускать, чтобы разгорался пожар.

Нужно делать выводы – убрать или снизить до нуля то, с чего все началось.

Надо умножать и умножать дозу ласки до тех пор, пока пожар не потухнет.

Надо всегда помнить о том, как больно было феечке, и что ты сам являлся источником этой боли.

Нужно всегда при себе иметь ведро с водой.

Надо делать все, чтобы ее крылышки как можно чаще были светлыми, яркими, прозрачными, а не в золе.

После пожара нужно взять свою феечку, выкупать, надеть на нее чистенький сарафанчик и поцеловать в носик.

Если спичками первой начинает играть она.

Подождите, пока чуток разгорится пожар.

Спокойно вылейте ведро воды.

Отправьте ее самостоятельно мыться и переодеваться.

Одарите ее пристальным взглядом, когда она выйдет из ванны с опущенными глазами.

Улыбнитесь и предложите горячий чай с плюшками.

Бороться с женской природой бесполезно. Феечка всегда найдет причину полетать на метле. Ну, надо ей порой облететь свое государство и убедиться, что ее любят и такую. Не обсасывайте ее слова, ищите причину их возникновения. Она дерется как умеет – словами. И в этом ей нет равных. Она всегда знает куда бить. И бьет наверняка. Почему бьет? Чтобы вы уяснили, наконец, что причинили ей боль.

У женщин нет плохой погоды, все проявления любви – благодать.

Потребительство 1

Потребительство – это, так сказать, разновидность любви, которая и не любовь вовсе. Это топка на Титанике. Чем больше узлов, тем быстрее ход корабля по волнам жизни. Чем больше узлов, тем больше кочегаров. Мужчин! С голыми накачанными торсами, которые подбрасывают и подбрасывают уголь в жерло жаждущего вулкана. Правда и мрут они быстрее мух поздней осенью. Ну и пусть! Конвейер – дело вечное.

– Незаменимых у нас нет! Правда, девочки?

– Есть, – хором подпевают мотыльки, – незаменимы мы.

Кинолог Верка...

От нее можно было узнать все. Но это «все» лежало исключительно в области классификации мужских членов. Она, как сертифицированный кинолог, измеряла двуногих псов на родословную. Длина рук говорила о длине хозяйства, плотность ног о его толщине, залысина о патологическом желании секса, длинный нос о длительных актах... Дорогие мои, эта книга короткая, поэтому не буду приводить всю классификацию. Хотите узнать больше? Ищите Верку! Хотя, стойте на месте, она сама вас найдет.

Для нее человечество делилось на три части – она, другие бляди и членистоногие. Ее мало волновало качество. Цель – количество. Она, как жадный Париж, хотела, чтобы в ней побывали все. Увидеть Верку и умереть! Так все и было – кто хоть раз побывал в ней, для нее умирал. Правда, был там один неотесанный чурбан, который не мог догнать, что нельзя войти в Верку дважды.

Что ей было нужно на самом деле? Да черт ее знает. Она, как алкоголик, проверяла себя на прочность. Вливала в себя разную гадость и удивлялась, что выжила. Она смешивала в себе разную сперму, в надежде надуться как шарик и лопнуть. Лопнуть, разлететься кусками и, наконец-то, простить членистоногую треть человечества за насилие, причинное ей в детстве. Как говорится, не видеть Эйфелеву башню в Париже можно только одним способом – это быть внутри нее. По сути, это Верка и провернула со своей ненавистью к членистоногим псам.

Элеонора...

Она любила деньги. Банально и просто. Вы скажете, что деньги любят все? Ошибаетесь, так как Элеонора, никто. Это для нормальных людей, деньги – их покупательная способность. Для нее деньги – шелест, хруст, запах и... вкус. Не вкус жизни, а в буквальном смысле слова – вкус. Она представляла, через сколько рук они прошли. Липких, жадных, страстных. Она гладила себя купюрами и представляла миллиардера, который проводит своей мощной, волосатой лапой по ее бедрам. Она вдыхала страсти, впитанные в банкноты. Лизала воротнички президентов и чувствовала себя кошечкой с шершавым язычком. Денег, купюр должно быть много. А, так как она – интеллигентка по маминой линии, то нищеврод ее бесил. От запаха купюр с мизерным номиналом у нее начинались желудочные спазмы. Вот и выбирала себе богатеньких ухажеров, щедрых на страстные ладони купюр.

Да, таких как Элеонора, мало. Есть еще Стела, но ее бзик из другой оперы. Истории разные, а смысл один. Самке богомола очень нужен богомол. Он ей просто жизненно необходим! Причем «жизненно» для него. Но вот беда, хиленькие какие-то богомолы ей попадались. Не успел хильнуть коктейльчик, приготовленный заботливыми руками суженой, и – труп. Не интересно. Мог бы хоть побарахтаться для приличия и повизжать, как поросенок.

Что произошло в детстве с такими феечками, история умалчивает. А может быть и ничего. Может быть, это какой-то ген с дуба рухнул при зачатии.

МЫ 5

Описывая Элеонору и Верку, сразу захотелось к маме под одеяло. Сама придумала – самой противно. Что за дыра сегодня такая? Мрачная какая-то. А! Это же моя черная вселенная. Принесла гуашь и кисточки. Села и стала разрисовывать пустоту. Ничего так получилось! Совсем ничего. Читайте и сами решайте: «ничего» – это ноль или «вполне прилично». Я уже давно перестала понимать, что истинно, что ложно. Смешалось все, хаотично, беспорядочно, навалом, вперемешку.

Почему мы разошлись? Когда перешли Рубикон? Почему не было указателя – «Осторожно, Рубикон!»? Я думала, что это не речка забвения, а мостик влюбленных. Вот поднимемся вместе, защелкнем замок и выбросим ключик в речку. И будет наше счастье вечным. А может, все так и было? И наше расставание приведет к счастью нас обоих, только порознь? Хочется опять в куколку... залечь, и чтобы бесконечность стирала мысли ластиком. Да так быстро стирала, чтобы подсознание даже заикнуться не успело.

Мне часто снятся плохие сны. Хорошо, что среди читателей нет психиатров. Или есть? Ну и ладно. Может, вылечите. Говорят, что когда человеку снится много ярких и страшных снов – он болен. Может быть. Мы все свихнутые в той или иной степени. А я и в «той» и в «иной». Просто я очень жадная феечка, и когда меня отправляли на землю, то разрешили взять с собой все. Я и взяла все – и плохое, и хорошее. Будто мне кто-то навязывал. И кто-то другой вместо меня в рюкзак запихивал провизию для жизни на земле.

– Бери, бери! Оно все твое. Вот истерики, вот сердце без панциря, вот уязвимость и ранимость, а вот тебе камень – повесь на шею.

Плохие сны. Страшные, жуткие, мерзкие. Снятся и снялись. Не буду загадывать, но чувствует мое сердце, что последним гадостным сном жизнь моя не окончится.

Я любила от них пробуждаться, когда ты был рядом. Маленькая, свернутая в кулачок, липкая от холодного пота. Ты просыпался раньше. Всклакивал и снимал с меня ночную сорочку, вытирал, надевал свою футболку, переворачивал одеяло, бережно перекладывал на сухое место и прижимал к себе. Я входила в тебя вся, без остатка. Целиком, как маленькая подушечка. Ты целовал мою спину, шептал, что любишь и мгновенно засыпал. А я лежала и слушала свое счастье. Оно было таким огромным! Как мало надо было для счастья. Как много...

Хорошо, что боль приходит импульсами. Даже отлично! Должно же быть где-то у меня «на отлично»?! Я сама занесла себя в черный список с пометкой «без права на переписку». Вот отойти бы от себя той – истерички, ведьмы. Взять ружье и выстрелить в лобешник. Потом гордо подуть в ствол, мол, на одну сволочь на земле стало меньше...

Это импульс. Это просто импульс! И он скоро пройдет. Больно... так больно... Попускает, начинает опять просто тошнить.

Зачем встретились? Для опыта? И на хрена мне такой опыт? Хочу быть неопытной, наивной дурочкой, для которой мир тклет шелковую нить для подвенечного платья. Замуж хотела. Сейчас хочу просто втолкнуть в себя пищу. Хоть чуть-чуть. Потихоньку начать заново учиться ходить, дышать, видеть. И забывать. Забывать тебя. Забывать нас. Забывать себя счастливую. До склероза далеко, синдром Альцгеймера не предвидится, поэтому и не забывается. Помоги мне тебя забыть... так, чтобы я помнила факты, но ничего не чувствовала.

Почему нельзя выскрести чувства из сердца, как замерший эмбрион из матки? Я бы от наркоза отказалась. Извиваясь от физической боли чувствовать, как черствею, – блаженство. С каждым скребком ложки по двуполовинчатому красному сердцу упиваться освобождением от душевной боли...

Ты любишь абрикосы, а я – болгарский перец. К чему это я? Да так, для слова «любишь» в настоящем времени. Чтобы избежать нового импульса боли, но вложить в подсознание факт

настоящего. Я манипулятор. Да, многому научилась в черной дыре. Не зря же проваливаюсь туда по ночам и куколкой вишу над бездной.

РАЗМЫШЛИЗМ 6

Понеслась жара по пустыне.

– Видишь оазис? Нет? Странно. Ты же творческая личность. Не видишь – нарисуй!

– Это ты творческая личность, а я куколка, – ответила я сама себе и поползла жевать листик на древе познания. Так, стоп. Я куколка или гусеница? Без разницы, я еще не бабочка и это факт.

Потребительство 2

Потребляют не только женщины, вернее, далеко не женщины. Этим славятся мужчины. Слава им и хвала? Или халвы им поперек горла? Пока не решила. Хотя они, бедненькие, и так ходят с огрызком яблока на шее. Еще халвы им туда насыпать – будет перебор. Так и тянет выкрикнуть тост: «За перебор!» – и засыпать горлянки халвой. Лучше злиться, чем реветь. Но куда уж там! Я же мастер на все руки, могу одновременно злиться, реветь и вкраплять хихиканье. И на фоне всего этого медленно умирать и растекаться по вечности пятном ненужности. У кого-то есть пятновыводитель? Я бы себя извела. А с другой стороны, именно этим я и занимаюсь, с тех пор как ты ушел...

Луиза...

Она была бабочкой. Ее нежно-голубое платье обтекало точеную фигурку, а крылышки за спиной мелодично шуршали под блюз ее сердца. Она была настолько красивой, что каждому хотелось поддержать ее в руках. Взять в ладони, прижать и полюбоваться. Но с каждым разом пыльца на ее крыльях становилось все меньше – она уносилась на чужих пальцах. С каждым днем ей было все сложнее оторваться от земли. Но она пыталась. Еще раз подняться в небо. Еще раз крылом коснуться солнечного света. Еще хотя бы раз! Блюз сердца начал скрипеть, заедать и фонить. Луиза подолгу сидела на подоконнике и смотрела за стекло. Неужели она виновата в том, что настолько красива? Вон летит шелкопряд, а вон там – моль, а вон там, высоко поднялась желтогузка. У них есть пыльца для полета, ведь никому и никогда не хотелось держать их в руках.

Она сидела на подоконнике и смотрела, как ночь меняет день, а за ним приходит следующий календарный день... Им нет счета – серым, влажным, безликим. Она могла только вспоминать, как когда-то летала под саксофон своей души...

А потом пришел Он – солидный, холеный и надежный. Он пообещал, что больше никто и никогда не посмеет дотронуться до ее крыльев. Только Он и только в последний раз. Он бережно взял ее в руки.

– Это в последний раз!

Потрогал крылышки, и растер пальцами пылью.

– Это в последний раз, она потеряет! Она сможет, ведь впереди – полет!

Где-то в сердце стал наигрывать мелодичный блюз, и крылышки встрепенулись навстречу ветру...

Он сдержал свое слово... Приколол ее булавкой к рамке на стене и накрыл стеклом... Теперь никто и никогда не дотронется до ее крыльев...

Босс...

Он ее любил. Любил на всю мощь своего жалкого и ничтожно маленького сердца. Она была ему нужна как квартира в престижном районе, солидное авто и ролексы на толстом запястье. Это все его! Он не мог чувствовать себя большим, пока все что он любил, было не на месте.

– На место, я сказал!

А она не находила себе места, а то место, на которое он указывал, было чужим. Ей было непонятно, почему, когда она хочет строить свою жизнь, он просто наполняет нею свою. Будто Всевышний создал людей и игрушки для них, с виду так похожих на людей. Но сейчас не про нее, а про босса. Он на нее подсел, когда понял, как отлично она вписывается в его жизнь.

Она словно главный механизм, который запускает его машину могущества. Она рядом – мир улыбается. Она уходит... Что? Кто уходит? Куда уходит?

– На место, я сказал!

Хорошо, что у него было крошечное сердце, которое едва успевало качать густую от злости кровь, не то что вдаваться в мелочи: «любит – не любит». Разве тумбочка может любить своего хозяина? Она просто стоит возле кровати, и на нее удобно ставить стакан с водой.

– Она мне дорого обошлась. Естественно! Вы видели эти резные ножки цвета слоновой кости? Аристократка, папа академик. Я ее в базарный день за полцены отхватил. Все равно дороговато вышло, но она того стоит.

Она очень много для него стоила. Может два нуля. Может три...

Леонид...

Леня рос жизнерадостным мальчиком. Все ему давалась легко и просто, если рядом была мама. Она так лихо подхватывала его над землей за секунду до падения в грязевую лужу. Отряхивала, целовала и шлепала, придавая ускоренное движение вперед. Он шел по жизни беззаботно, уверенно и с чистосердечной верой в собственные силы. Мама смотрела на своего мальчика с упоением:

– Ленечка такой молодец, ни на секунду не выпускает из ручек подол моего платья.

Но внезапно удача перестала ему улыбаться.

– Как же так? Что он сделал не так?

– Да ничего, Ленечка, просто мама уехала на небеса по важным делам, – говорили ему соседки и клали руки на его опущенные сорокалетние плечи.

Математический метод «замена» произошел быстро и качественно. Он встретил ее. Ухватился ручками за подол, и полетел по жизни смеясь. Но бывало, грустил. Тогда он вжимался в ее пышную грудь и умолял никогда не соглашаться на небесные командировки. Она обещала. И выполнила свое обещание: ушла позже. Леня многого добился. Он стал ясновидящим, гуру, просветленным. Его слушался даже телевизор и мужики, играющие возле подъезда в домино.

МЫ 6

Станиславский сказал, что любить – это хотеть касаться. И его «не верю» тут не работает. О, как мы умели касаться друг друга! Мне казалось, что могу протереть в тебе дырки, а ты во мне. Я хотела эти дырки! Чтобы просочиться в них и остаться в тебе навсегда.

Ты не давал мне ощущение «завтра». А для меня, как и для всех представительниц летательного мира, без ощущения будущего – нет настоящего. Мне надо было знать, что ты планируешь лет так через сто лежать со мной рядом и скрипеть костями, а твоя вставная челюсть будет тянуться от твоего стаканчика к моему. На все мои вопросы о будущем ты отшучивался и говорил:

– Будем жить одним днем.

А я не хотела так жить! Хотела быть вместе вечно. И знать каждую секунду, что так и будет. Знать и тереть наши дырки! Без этого ощущения «навсегда» я и сходила с ума. Хотела насытиться тобой впрок. Завернуть тебя «на потом», сложить в котомку и одинокими днями грызть по крошке, как Маресьев – сухарик. Хотела взять больше, чтобы потом растянуть тебя на подольше. Растягивать тебя, законсервированного, и верить, что ты только что с грядки.

Я брала тебя жадно, передала тобой, но не наедалась. Истерила. Загоняла себя в угол и сама себя оттуда выгоняла кочергой. Огрызалась, кусалась, скулила, поджимала хвост и выставляла оскал напоказ. Я просто очень боялась, что закончится наш один день. Боялась, что ты уйдешь. И ты ушел...

Может начать бояться, что ты вернешься? Да так сильно бояться, что ты действительно вернешься. Не подсознание, а поле чудес. И чудеса все какие-то страшенькие, неказистые. Плохие рисунки. Неудачные. В топку! Буду рисовать счастье... потом... сначала научиться бы просто держать кисточку в руках.

Целуя тебя жадно, я говорила сама себе – запоминай! Все запоминай, до мелочей. Поэтому всегда хотела тебя видеть. Видеть и запоминать, все до каждой клеточки, чтобы потом, в одиночестве, в этой зловонной черной дыре воссоздавать тебя и любить, любить, любить...

Ты любил, когда я что-то находила на твоём теле и сдирала. Искала я тщательно, долго и интенсивно. Редко находила. Но я так была довольна этой маленькой уловкой, ведь могла не просто к тебе липнуть, а заниматься важным делом. Я чесала, гладила, нащупывала и касалась, касалась, касалась... Боялась, что поймешь что на самом деле я просто липну. А я не хотела липнуть, а хотела прилипнуть, слиться и быстренько провернуть диффузию тел. Был ты, была я. А стали Мы! Быстро-быстро, пока не закончится этот наш один день. Но он закончился...

Я достаю из котомки крошки воспоминаний. Кладу под язык и медленно набираю в рот слюни. Помнишь, как мы давились каждый своей слюной только при мысли о сексе? Помнишь, как наши слюни... Не могу вспоминать! Не могу!

Надеюсь, до ада еще далеко и мне не скоро выпадет черная метка – целую вечность вспоминать нас и знать, что «Нас» больше нет. А я уже спрашивала, почему мы расстались? Не помню... Ничего не помню, кроме твоей загорелой спины, ляжек-долек, широких щиколоток...

– Сказала! Не могу!

Так что там у нас на обоях? Что там у нас по классификации чувств? Три часа ночи, коридор, кабинет, обои. Почти – улица, фонарь, аптека.

– Привет, дыра! Соскучилась? А я нет... Ладно всасывай...

Симпатия

Тут все просто, до пустоты. От «нравится» до «не нравится» и шагать не нужно. Это если аллегорией, а по сути: пошататься чуток придется. Вот идешь себе такой нарядный по рынку и думаешь: «И эта кофточка ничего, и эта, и эту, пожалуй, сносила бы. Эту можно для леса взять. А эту на вечеринку». Многое нравится. Не то, чтобы «Ах!», но носить можно. Разлезется по швам, и выбросить не жалко, пойдешь на рынок, купишь новую.

– Так, надо на лето что-то новенькое, чтобы подружки обзавидовались, и грудь подчеркнуть.

В лифчик пуш-апы и вот он – свежее испеченный полувер, полумуж, полулюбовник. Еще и к туфлям подходит.

Менять партнеров стало обыденным. Куда ни глянь – везде рынок. Хоть глаза выкалывай. Ну, нет! Свои глазки нужно оставить, красивые все-таки, хоть и незрячие. А вот кое-что и кое-кому узлом завязать хочется, а некоторым что-то заштопать и латку присобачить. Мясные ряды, зеленые мухи на окорочках и песни о любви. Лучше бы сочиняли песни о мясе, было бы честней. Рынок. Шум, гам, толпы. Голодные, потные, грязные людишки. Колокольчики, которые считают себя царями зверей лишь из-за одного преимущества – у них под юбкой звенит мешочек размером с детскую ладошку. Вот и хвастаются перед теми, у кого под юбкой пусто от природы. Даже дают потрогать. А те, в свою очередь, удивляют глубиной пещер и разрешают убедиться в этом лично. Аквалангисты надевают свои акваланги и аквалангают все то, куда можно опуститься. Жаль, что они не понимают, что реально опускаются по жизни, а не покоряют глубины океана любви.

Удалыцы да удалочки стреляют холостыми, рисуют звездочки на крыльях своих истребителей и верят, что их любят. Они нет, а вот их да. Это он, мальчик-с-пальчик, герой-любовник, от вида которого все бабы оргазмируют. Это он меняет девиц как те – ежедневные прокладки. Ошибочка вышла! Это ты для них ежедневная прокладка.

Идите к черту! С такими устоями жизни! Я за верность, преданность и чистоту! Писала, и захотелось помыться. Поскрести себя до костей. Счистить, спилить, вырвать мясо, чтобы никто даже не посмел оценить его на свежесть.

Светка, Эллка и вертелка...

Она любила сырники, кексы и его. Нет, не этого его. А того его. Этого «его» она отлюбила на той неделе. Ну не все же время в одном и том же ходить!

– Девочки, познакомьтесь, это Чижик. Ой, прости, дорогой. Знакомьтесь, Адольф.

Потом шепотом:

– Этот – новейшая модель: кроссовер, свободный хауз и карточка с безлимитным доступом.

– Что-то у него брюшко, залысина и лапы косолапые.

– Мне же его не на выставку! Зато как улетно он рассказывает анекдоты. Ну нравится он мне. Считайте это моей блажью, но он готов мой гардеробчик под себя обновить.

– А тот, прошлонедельный?

– Как-то мне в нем стало неудобно. Поначалу – вау! – кубики на животе в два ряда, белоснежная улыбка. А потом стал натирать: то это не делай, то с этими не общайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.